

Научная статья

УДК 902

DOI 10.25205/2499-9997-2025-1-6-16

Парадный кинжал из некрополя Горгиппии как инсигния власти

Андрей Михайлович Новичихин

Анапский археологический музей
Анапа, Россия

yazamat03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2431>

Аннотация

Предметом исследования является железный кинжал с золотой рукоятью и в золотых ножных, найденный при раскопках некрополя Горгиппии в богатом погребении второй половины II в. н. э. Ножны и рукоять кинжала декорированы в характерном для сарматского мира полихромном зверином стиле. Близкие по форме и художественному оформлению кинжалы обнаружены в захоронениях высшей сарматской знати – Дачи и Тилля-Тепе. Не исключено, что горгиппийский кинжал близок им по времени, и его следует относить к более раннему, чем содержащее его погребение, периоду. Важным элементом декора ножен является девять раз повторенное изображение орла, терзающего зайца. Данный мотив восходит к древнеиранской мифологической традиции и символизирует воинскую удачу (Хен. Сігор. II, 4). Находка статусного оружия сарматского типа с изображениями, отражающими характерные для иранского мира представления о воинской доблести, дают основания рассматривать горгиппийский кинжал как инсигнию власти, принадлежащую представителю сарматской знати, который осуществлял в Горгиппии функции военного предводителя. Вероятнее всего, он занимал известную по боспорским надписям должность «начальника аспургиан».

Ключевые слова

Боспорское царство, Горгиппия, некрополь, склеп, погребение, кинжал, терзающий зайца орел, инсигния власти, сарматы, аспургиане

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Начало противостояния Востока и Запада. Борьба Митридата VI с Римом и судьбы народов Таврики и Синдики в позднем эллинизме в свете новых археологических данных:

мультидисциплинарное исследование» по гранту Российского научного фонда № 23-18-00088

Для цитирования

Новичихин А. М. Парадный кинжал из некрополя Горгиппии как инсигния власти // *Universum Humanitarium*. 2025. № 1. С. 6–16. DOI 10.25205/2499-9997-2025-1-6-16

Ceremonial Dagger from Gorgippia Necropolis as an Insignia of Power

Andrey M. Novichikhin

Anapa Archaeological Museum
Anapa, Russian Federation

yazamat03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2431>

Abstract

The subject of the study is an iron dagger with a gold hilt and a gold scabbard, found during excavations of the Gorgippia necropolis in a rich burial in the second half of the second century A.D. The sheath and hilt of the dagger are decorated in a polychrome animal style characteristic of the Sarmatian world. Daggers similar in shape and decoration were found in the graves of the highest Sarmatian nobility – Dachy and Tillya-Tepe. It is possible that the Gorgippian dagger is close to them in time and should be attributed to an earlier period than the one containing its burial. An important element of the scabbard's decor is the nine-fold repeated image of an eagle torturing a hare. This motif dates back to the ancient Iranian mytho-epic tradition and symbolizes military luck (Xen. Cirop. II, 4). The discovery of Sarmatian-type status weapons with images reflecting the ideas of military prowess characteristic of the Iranian world gives reason to consider the Gorgippian find as an insignia of power belonging to a representative of the Sarmatian nobility, who performed the functions of a military leader in Gorgippia. Most likely, he held the position of «chief of the Aspurgians», known from Bosporan inscriptions.

Keywords

Bosporan kingdom, Gorgippia, necropolis, crypt, burial, dagger, eagle, torturing a hare, insignia of power, Sarmatians, Aspurgians

Acknowledgements

The reported study was funded by the framework of the project “The beginning of the confrontation between East and West. The struggle of Mithridates VI with Rome and the fate of the peoples of Taurica and Syndica in Late Hellenism in the light of new archaeological evidence: a multidisciplinary study” under the grant of the Russian Science Foundation no. 23-18-00088

For citation

Novichikhin A. M. Ceremonial Dagger from Gorgippia Necropolis as an Insignia of Power. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 1, pp. 6–16. (in Russ.) DOI 10.25205/2499-9997-2025-1-6-16

Введение

Открытие в 1975 г. на некрополе античной Горгиппии богатого погребения второй половины II – начала III в. н. э. (склепа 2 1975 г.) предоставило в распоряжение исследователей комплекс разнообразных материалов, позволяющих с новых позиций рассматривать многие аспекты не только археологии северо-восточной периферии античного мира, но и некоторые вопросы политической и этнокультурной истории региона.

Непотревоженное захоронение было совершено в просторной квадратной (3,4 × 3,4 м при глубине 2 м) гробнице, вырубленной в материковой скале. В погребальной камере находилось два каменных (известняковых) саркофага, один из которых (саркофаг 1) содержал парный набор золотых ритуальных предметов (наглазники, нагубники, нагрудники), указывающий на то, что в нем были погребены две девочки, кости которых не сохранились. Саркофаг 2 содержал богатый инвентарь захоронения мужчины, кости которого также не сохранились: комплект золотых ритуальных предметов (венки, наглазники, нагубник, трилистники обшивки погребального одеяния), золотые гривну, браслет, фибулу, два перстня, набор из 20 полых бус, детали поясного набора (пряжка, наконечник ремня, накладка), детали конского убора, металлические детали и украшения шкатулки, серебряную и стеклянную посуду, железный меч и железный кинжал в золотых ножнах с золотой рукоятью и другие предметы. Часть инвентаря находилась вне саркофага: на момент исследования они лежали на полу погребальной камеры [Алексеева, 2021, с. 182–272].

Горгиппийский кинжал: происхождение, декор, культурная принадлежность, историческая интерпретация

Предметом настоящего исследования является одна из самых ярких находок в горгиппийском склепе 2 1975 г. – железный кинжал с золотыми художественно оформленными обкладками рукояти и ножен (см. рисунок). Общая длина изделия (кинжала, вложенного в ножны) составляет 36,8 см, из которых 23,6 см приходится на ножны, а 13,2 см –

на рукоять оружия. Ширина ножен 4,5 см, они снабжены двумя парами полукруглых выступов, максимальная ширина по верхнему из которых составляет 11,3 см. Длина железного клинка 21,3 см, ширина 4,2 см¹. Рукояти и ножны кинжала украшены выполненными в технике тиснения (басмы) изображениями птиц и зверей. На рукояти трижды изображены фигуры орлов. На ножнах у устья – фигура павлина, заключенная в прямоугольную рамку. Вдоль ножен и на выступах девять раз повторяется сцена терзания зайца орлом. По периметру рукояти и ножен с внешней стороны проходит бордюр со вставками грантов-кабошонов каплевидной и овальной формы: сохранились 58 камней, девять лунок на момент открытия были пустыми. Детали оперения птиц и уши зайцев были оформлены каплевидными бирюзовыми вставками: сохранилась 31, 13 гнезд оказались пустыми.

Несмотря на дискуссионность вопроса о времени совершения захоронения в склепе 2 1975 г. (в пределах второй половины II – начала III в. н. э.), исследователи сходятся во мнении о том, что описанный кинжал был изготовлен значительно раньше и долгое время находился в обиходе. На это указывают заметная потертость изделия, а также утрата части украшавших его вставок из цветных камней: как отмечает Е. М. Алексеева, «внутри запломбированного саркофага без наполнения грунтом выпавших камней не найдено, утрата произошла при пользовании

Парадный кинжал из Горгиппии. Фото Е. Харланова.

По: [Новичихин, Галут, 2013, с. 42, 43]

Ceremonial dagger from Gorgippia. Photo by E. Kharlanov.

According to: [Novichikhin, Galut, 2013, pp. 42, 43]

¹ Размеры даны по: [Алексеева, 2021, с. 203].

оружием» [Алексеева, 2021, с. 203, 277]. Автор раскопок отмечает также повреждение золотой обкладки (следы ремонта?) в верхней части рукояти, при котором форма навершия могла быть изменена [Там же]. Е. М. Алексеева не акцентировала внимание на датировке горгиппийского кинжала, В. И. Мордвинцева на основании особенности декора, относит его к первой половине – середине II в. н. э. [Mordvintseva, 2015, p. 198, cat. 22].

Горгиппийский кинжал неоднократно публиковался, прежде всего в каталогах археологических выставок, и становился предметом исследования. Его обычно сопоставляют с серией кинжалов с двумя парами выступов на ножнах из погребений варварской элиты, однако отметим, что привлекаемые иногда в качестве аналогий ножны кинжалов из разрушенного погребения в Косике и некрополе Армазисхеви (Грузия) выполнены в совершенно иной технике и едва ли могут служить корректным сравнительным материалом. Таким образом, парадный кинжал из некрополя Горгиппии следует рассматривать в контексте всего двух находок – кинжалов с золотыми рукоятями и ножнами, богато декорированными тисненными изображениями животных и цветными камнями, из погребений высшей аристократии сарматского круга I в. н. э.: в кургане Дачи близ Азова и в некрополе Тиля-Тепе в Афганистане.

Украшенный золотом меч / кинжал в обществах прошлого являлся инсигнией, или регалией, высшей, прежде всего царской, власти. Ярким воплощением этой традиции служат мечи и кинжалы с золотыми рукоятями в золотых ножнах, найденные в погребениях скифской и сарматской аристократии. По справедливому замечанию В. И. Мордвинцевой, это является отражением иранской традиции, так как и скифская, и сарматская культуры, «считаются иранскими по своему происхождению» [Мордвинцева, 2015, с. 78].

Декорирование рукоятей и ножен мечей золотыми элементами получило широкое распространение в сарматской среде в период с III в. до н. э. до середины III в. н. э.: В. И. Мордвинцевой учено почти три десятка подобных находок [Mordvintseva, 2015]. Из всей многочисленной серии декорированного золотом клинкового оружия, как указывалось выше, к горгиппийской находке по форме и особенностям оформления близки только два экземпляра, происходящих из богатейших погребальных комплексов сарматского времени – Дачи и Тиля-Тепе. На сходство этих кинжалов исследователи обращали внимание неоднократно; анализу художественного оформления этих трех предметов вооружения И. П. Засецкая посвятила специальное исследование [Засецкая, 2015].

М. Ю. Трейстером обосновано мнение о том, что парадные кинжалы с четырьмя выступами на ножнах в I в. до н. э. – II в. н. э. являлись инсигниями власти представителей знати – как кочевого мира, так и позднееллинистических государств Востока, свидетельством чему являются не только находки богато декорированных кинжалов в погребениях элиты, но и их изображения на рельефах [Трейстер, 2010, с. 526–531; 2018, с. 415; Алексеева, 2021, с. 206].

Ношение кинжалов в ножнах с четырьмя лопастями, прикрепленными к поясу и бедру воина-всадника, считается общепризнанным [Засецкая, 2015, с. 190, илл. 1]. Как показало исследование М. Ю. Трейстера, кинжалы с подобными ножнами и такой способ их ношения были распространены на Боспоре с конца I в. до н. э. по середину II в. н. э.: что засвидетельствовано изображениями воинов-всадников (реже – пеших воинов) на боспорских надгробных рельефах этого времени [Kreuz, 2003; Трейстер, 2010, с. 486–488, 494–496]. В материалах Горгиипии известно единственное изображение короткого меча с четырьмя лопастями на ножнах, прикрепленного к бедру, но не всадника, а пешего воина – мужское надгробие I–II вв. н. э. из Анапы, хранящееся в ГИМ [Сокольский, 1954, с. 151, рис. 6; Трейстер, 2010, с. 485, 527, рис. 7]. Отметим, что из всех известных на сегодняшний день боспорских изображений прикрепленных к бедру мечей и кинжалов меч на статуе из Анапы по форме ближе всего к кинжалу из горгиипийского склепа 2 1975 г.: отличие заключается только в заметно утолщенных верхней части рукояти и окончания ножен.

П.-А. Кройц обратил внимание на то, что всадники с прикрепленным к бедру кинжалом на боспорских рельефах не имеют никакого защитного вооружения, что, по его мнению, поддерживаемому М. Ю. Трейстером, служит свидетельством посмертной героизации персонажа, стремлением подчеркнуть его отвагу, воинскую доблесть, общественную значимость [Kreuz, 2003, S. 207; Трейстер, 2010, с. 531].

Судя по рельефу на надгробии Дафна, сына Психариона, кинжалы сарматского типа с четырьмя лопастями на ножнах и способ ношения их привязанными к бедру появляются на Боспоре в эпоху Аспурга, и, по мнению М. Ю. Трейстера, связаны с аспургианами: исследователь допускает, что такие «всаднические» кинжалы могли указывать на принадлежность изображенных на рельефах воинов к царской гвардии или на то, что они являются аспургианами либо их потомками [Трейстер, 2010, с. 530].

Ключевым сюжетом изображений на ножнах горгиипийского кинжала является сцена терзания зайца орлом, повторенная девять раз.

В иранской мифоэпической традиции мотив терзания зайца орлом символизировал жертвоприношение. Показательным примером служит описанный Ксенофонтом случай, когда заяц, растерзанный орлом на глазах у отправляющегося в поход войска, был воспринят его предводителем, персидским царевичем Киром, как предзнаменование грядущей победы (Хен. Сироп. II, 4). Девять раз повторенное изображение орла, терзающего зайца, на золотых ножнах кинжала не только наделяло его владельца воинской удачей, но и девятикратно ее увеличивало.

Для Горгииппии, «царской столицы синдов», как назвал ее Страбон (Strabo. XI, II, 10), изображение орла, терзающего зайца, на статусном оружии особенно показательно. Когтящий зайца орел трижды изображен на предметах торевтики из Семибратних курганов – некрополя синдских царей V – начала IV в. до н. э.: причем этим сюжетом украшены такие статусные предметы, как золотые обкладки ритонов (курган 4) и серебряная обкладка горита (курган 2) [Новичихин, 2015, с. 48]. В начале IV в. до н. э. – после вхождения Синдики в состав Боспора – титул «царь синдов», засвидетельствованный надписью с Семибратнего городища, официально перешел к боспорским царям, именовавшимся так, судя по надписям, перечислявшим титулы Спартокидов, до середины III в. до н. э. (от Левкона I до Перисада II: КБН 6, 8, 9, 10, 11, 25, 971, 972, 1014, 1015, 1037–1040 и др.). Автору уже приходилось обращать внимание на то, что спустя почти три столетия, в начале I в. н. э., «царь синдов» вновь появляется в официальной титулатуре Аспурга [Новичихин, 2015, с. 50]. Весьма вероятно, что засвидетельствованное надписями (КБН 39, 40) именование Аспурга «царем синдов» (и других меотских племен) не только представляет «политически важные аллюзии на титулатуру Спартокидов» [Тохтасьев, 2004, с. 172], но и отражает реальную этнополитическую ситуацию в начале I в. н. э. Именно в это время, как указывалось выше, на Боспоре распространяются степные кинжалы с выступами на ножнах и способ их ношения прикрепленными к бедру. Как уже отмечалось, по мнению М.Ю. Трейстера, это связано с появлением на Боспоре аспургиан. Не приходится сомневаться, что предводители аспургиан, ставших царской гвардией, вошли в состав боспорской военной элиты, а возможно, как считает Н. В. Завойкина [2023, с. 140, 141, 149], породнились с Аспургом. Именно в среде близкой к престолу сарматской (сиракской) по происхождению аристократии (или ее прямых потоков) мог появиться оформленный в полихромном зверином стиле парадный кинжал с сюжетом, не только восходящим к иранской мифоэпической традиции, но и маркирующим преемственность царской власти над синдами.

В разнообразном комплексе погребального инвентаря, сопровождавшем мужчину, захороненного в саркофаге 2 горгиппийского склепа 2 1975 г., содержались и другие предметы «представительского класса», указывающие на высокий ранг погребенного в боспорской правящей элите. Е. М. Алексеева особо выделяет его военные функции, предполагая для погребенного «одну из высших военных магистратур всаднического сословия». Весь же комплекс горгиппийских гробниц, открытый в 1975–1976 гг., уверенно интерпретируется ею как родовой некрополь семейства правителей Горгиппии, имеющего царское происхождение [Алексеева, 2021, с. 287–290]. Анализ эпиграфических памятников с упоминанием «наместников Горгиппии» действительно показывает, что наместнические функции в этом боспорском полисе на протяжении долгого времени исполняли представители одного знатного семейства, образуя своего рода локальную правящую «династию» [Завойкина, 2001]. В рамках такой «династии» вполне ожидаемо долговременное сохранение раритетов, служивших символами власти у представителей предшествующих поколений. В этом отношении кинжал, относящийся к первой половине II в. н. э. (по В. И. Мордвинцевой) или к гораздо более раннему, вплоть до эпохи Аспурга, времени, вполне мог стать подобной династической реликвией, подтверждающей преемственность властных (или высших военных) функций.

Заключение

В поисках первоначального владельца кинжала представляется необходимым еще раз вернуться к памятникам боспорской эпиграфики. В танаисских надписях КБН 1246, 1248 (время Рискупорида III) и пантикапейской КБН 36 (время Тейрана) упоминается «начальник аспургин»: надо полагать, этот термин появился в номенклатуре правящей элиты Боспора намного раньше. Именно выходцу из среды аспургин (или его прямому потомку), начальнику царской гвардии, родственнику монарха и принадлежал изначально богато украшенный парадный кинжал, передававшийся впоследствии из поколения в поколение и ушедший в мир мертвых с последним представителем династии.

Список литературы

Алексеева Е. М. Некрополь античного города Горгиппии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н. э. М., Вологда: Древности Севера, 2021. 351 с.

- Завойкина (Смирнова) Н. В.** Наместники Горгииппии // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 350–367.
- Завойкина Н. В.** Сарматская тамга на медных монетах Аспурга: проблема интерпретации // Нуранис. Тр. отдела классической археологии. М., 2023. Т. 5. С. 132–152.
- Засецкая И. П.** О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры – II века новой эры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. Вып. 40. С. 189–231.
- Мордвинцева В. И.** Парадные мечи в погребальном контексте (на материале погребений элиты Северного Причерноморья III в. до н. э. – середины III в. н. э.) // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий: Материалы тематической научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 77–80.
- Новичихин А. М.** Мотив «орел, терзающий зайца» на памятниках торевтики с территории Синдики в историческом и культурном контексте // Северный Кавказ: искусство в контексте времени.: Материалы Междунар. науч. конф. Майкоп: Графика, 2015. С. 48–52.
- Новичихин А. М., Галут О. В.** Золото Горгииппии. Научно-популярный альбом-каталог. Краснодар: Платонов И., 2013. 96 с.
- Сокольский Н. И.** Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии СССР. 1954. № 33. С. 123–196.
- Тохтасьев С. Р.** Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // Вестник древней истории. 2004. № 3. С. 144–180.
- Трейстер М. Ю.** Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // Древности Боспора. 2010. Т. 14. С. 484–561.
- Трейстер М. Ю.** Парадный кинжал в ножнах из Дач // Причерноморье в античное и средневековое время. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2018. Вып. 2. С. 413–431.
- Kreuz P.-A.** Ein Waffentyp als Indikator kulturellen Wandels? Das Ringknaufschwert auf Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich // Festschrift. 10 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd. 1993–2003. Köln, Wolgograd, 2003. S. 194–212.
- Mordvintseva V.** Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd C. BC – mid-3rd AD) // Anabasis. 2015. No. 6. P. 174–215.

References

- Alekseeva E. M.** Nekropol antichnogo goroda Gorgippii: kompleks grobnits rubezha II–III vv. n. e. [Necropolis of the ancient city of Gorgippia: tomb complex of the turn of the 2nd – 3rd centuries AD]. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2021, 351 p. (in Russ.)
- Kreuz P.-A.** Ein Waffentyp als Indikator kulturellen Wandels? Das Ringknaufschwert auf Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich. In: Festschrift. 10 Jahre wissenschaftliche Zusammenarbeit der Universitäten Köln und Wolgograd. 1993–2003. Köln, Wolgograd, 2003, S. 194–212.
- Mordvintseva V.** Paradnye mechi v pogrebalnom kontekste (na materiale pogrebenii elity Severnogo Prichernomorya III v. do n. e. – serediny III v. n. e. [Ceremonial swords in a funerary context (based on the burials of the elite of the Northern Black Sea region of the 3rd century BC – the Middle of the 3rd century AD)]. In: Rannii zheleznyi vek Evrazii ot arkhaiski do rubezha er. Tsentry, periferiya i modeli kul'turnykh vzaimodeistvii [The Early Iron Age of Eurasia from the Archaic to the turn of the era. Centers, peripheries, and models of cultural interactions]. Proceedings of a thematic scientific conference. St. Petersburg, Skythia-print, 2015, pp. 77–80. (in Russ.)
- Mordvintseva V.** Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd C. BC – mid-3rd AD). *Anabasis*, 2015, no. 6, pp. 174–215.
- Novicikhin A. M.** Motiv “orel, terzayushii zaitsa” na pamyatnikakh torevtiki s territorii Sindiki v istoricheskom i kul'turnom kontekste [The motif “eagle torturing a hare” on the monuments of the Toreutics from the territory of Sindica in the historical and cultural context]. In: Severnyi Kavkaz: iskusstvo v kontekste vremeni [North Caucasus: art in the context of time]. Proceedings of the International Scientific Conference. Maikop, Grafika, 2015, pp. 48–52. (in Russ.)
- Novicikhin A. M., Galut O. V.** Zoloto Gorgippii. Nauchno-populyarnyi al'bom-katalog [Gorgippia's gold. Popular science album catalog]. Krasnodar, Platonov I. Publ., 2013, 96 p. (in Russ.)
- Sokolsky N. I.** Bosporskie mechi [Bosporan swords]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1954, no. 33, pp. 123–196. (in Russ.)
- Tokhtasyev S. R.** Sindika i Bospor v epokhu Levkona I (Obzor novykh epigraficheskikh publikatsii) [Bosporus and Syndica in the era of Leucon I (Review of new epigraphic publications)]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History], 2004, no. 3, pp. 144–180. (in Russ.)

- Treyster M. Yu.** Oruzhie sarmatskogo tipa na Bospore v I–II vv. n. e. [Sarmatian-type weapons on the Bosporus in the 1st – 2nd centuries AD]. *Drevnosty Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*], 2010, vol. 14, pp. 484–561. (in Russ.)
- Treyster M. Yu.** Paradnyi kinzhals v nozhnakh iz Dach [Ceremonial dagger in a sheath from Dachas]. In: Prichernomor'e v antichnoe i srednevekovoe vremya [The Black Sea region in ancient and medieval times]. Rostov on Don, SFU Press, 2018, iss. 2, pp. 413–431. (in Russ.)
- Zasetskaya I. P.** O stilisticheskikh osobennostyakh trekh kinzhalov sarmatskoi epokhi I veka do novoi ery – II veka novoi ery [On the stylistic features of the three daggers of the Sarmatian epoch of the 1st century BC – 2nd century AD]. In: Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2015, iss. 40, pp. 189–231. (in Russ.)
- Zavoykina (Smirnova) N. V.** Namestniki Gorgippii [The Viceroy of Gorgippia]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*], 2001, vol. 4, pp. 350–367. (in Russ.)
- Zavoykina N. V.** Sarmatskaya tamga na mednykh monetakh Aspurga: problema interpretatsii [Sarmatian tamga on Aspurg copper coins: a problem of interpretation]. In: Hypanis. Trudy otdela klassicheskoi arkheologii [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology]. Moscow, 2023, vol. 5, pp. 132–152. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Михайлович Новичихин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Andrey M. Novichikhin, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 07.01.2025;
одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 12.02.2025
The article was submitted on 07.01.2025;
approved after reviewing on 12.02.2025; accepted for publication on 12.02.2025